

Н. С. Зеликина¹

К ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ИДЕЙ МАРКСИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ К ДОГМАТИЗАЦИИ

Российская интеллигенция откликнулась на интеллектуальное обаяние концепции К. Маркса, предложившей новый взгляд на тенденции развития человечества, в момент ее зарождения. Не случайно издания переводов на русский язык основного экономического произведения К. Маркса сопровождались широкими теоретическими дискуссиями (см. предисловие к изданию «Капитала» ответственного редактора и переводчика В. Чеховского). Большинство предста-

вителей российской интеллектуальной элиты рубежа XIX–XX веков прошли через период увлечения идеями «экономического материализма», хотя сторонниками их оставалось в конечном итоге меньшинство. При этом знание основ марксизма было естественной частью интеллектуального багажа российского интеллигента начала XX века.

Приход к власти в октябре 1917 года партии большевиков, являющейся одной из многочисленных марксистских европейских социал-демократических организаций, не мог не повлиять на распространение и развитие идей марксизма в нашей стране. Приступая к управлению страной, большевики особое внимание уделили теоретическим «поискам нового мира». Один из первых руководителей советской науки М. Н. Покровский в 1921 году писал: «Будущий историк отме-

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор около 120 научных публикаций, в т. ч.: «История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения европейского северо-востока России)» (в соавт.), «Система ценностей послереволюционной российской интеллигенции в эмиграции и внутри страны: общее и различия», «Философская публицистика 1920-х гг. о проблемах идеологии», «Феномен культурного frontiera: периодические издания русского зарубежья во Франции» и др.

тит, что русский коммунизм принялся за научное творчество и научную пропаганду буквально на другой же день после того, как пролетариат в России встал у власти¹. Уже с 1918 года начала складываться система научных центров изучения и распространения марксизма. Среди них — Коммунистическая (до 1924 г. — Социалистическая) академия, Институт Маркса и Энгельса, Институт истории партии, Институт красной профессуры и т. д. Наименее исследованной остается работа институционального центра складывающейся политической системы — Социалистической (Коммунистической) академии. Многие из первых членов Социалистической академии были либо репрессированы (Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский, Н. Осинский, Г. Х. Раковский и др.), либо посмертно обвинены в неверных и политически вредных теоретических взглядах (например, М. Н. Покровский и А. А. Богданов). В советское время это обстоятельство делало изучение оригинальной научной организации политически нежелательным, а в постсоветский период — конъюнктурно невыгодным. Между тем анализ деятельности Академии помогает понять динамику развития марксизма в условиях попыток превращения этой теории в господствующую идеологию (что, по сути, противоречило самому духу марксизма).

Социалистическая (с 1924 г. — Коммунистическая) академия была создана постановлением ВЦИК в мае 1918 года (устав утвержден СНК 15 июня 1918 г.). Среди основных задач были указаны развитие и пропаганда идей научного социализма, издательская работа, проведение «социальных исследований». Первоначально Социалистическая академия рассматривалась скорее как учебное и просветительское учреждение: так, на X съезде партии научные силы Социалистической академии предлагалось использовать для воспитания молодых коммунистов, «написания коммунистических учебников», организации курсов по теории, истории и практике марксизма. Однако уже в августе 1922 года потребовалось «оживление работы Социалистической академии», для чего предлагалось «поднять работу научно-коммунистической мысли»². А в апреле 1923 года на съезде РКП(б) была высказана идея о том, что Социалистическая академия должна «расширить объем деятельности за пределы общественно-научного». Целью этой работы ставилось превращение Академии в «научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу».

Организационная структура Академии формировалась постепенно: к 1928 году в ее составе было девять секций (экономическая, аграрная, кооперативная, общей теории права и государства, изучения теории и практики женского движения, философская, естественных и точных наук, методологии, литературы), три института, три общества³. Коммунистическая академия вела активную издательскую деятельность. К первым достижениям Академии можно отнести создание одной из крупнейших российских библиотек: если в 1920 году в фонде насчитывалось около

200 тыс., то к январю 1928 года — более 1 млн книг⁴. В библиотеку поступало 1304 русских и 874 зарубежных журналов⁵.

Проходившие в Коммунистической академии дискуссии демонстрировали свободное столкновение идей, взглядов, концепций, характерных для сторонников марксистской теории. При этом интересно, что представители оппозиционных «генеральной линии партии» течений не только участвовали в полемике, но и делали основные доклады.

Так, в 1923 году с основным докладом «Экономические кризисы при нэпе» выступал представитель оппозиции Е. А. Преображенский, в 1926 году о положении с валютой делал доклад В. М. Смирнов, в дискуссии о контрольных цифрах Госплана приняли участие Г. Я. Сокольников, И. Т. Смилга, Е. А. Преображенский, В. Л. Пятаков, К. Радек и ряд других политиков и ученых, оппозиционных большинству ЦК⁶. При этом практически не участвовали в этих дискуссиях политические руководители страны. Однако уже в 1926 году появляются замечания о необходимости давать «решительный отпор намечающимся теоретическим уклонам»⁷. Тогда же был разработан новый Устав Академии, ставивший своей задачей «борьбу с извращениями марксизма... как в обществоведении, так и в естественных науках»⁸. В принятом в июле 1927 года постановлении ЦК партии «О работе Коммунистической академии» она рассматривалась как партийное (а не государственное) учреждение, обязанное при публикации дискуссий «излагать точку зрения партии»⁹. Разъясняя это постановление на страницах ВКА, председатель Президиума Комакадемии М. Н. Покровский писал: «Академия не думает понимать “дискуссию” исключительно в партийном смысле этого слова — все и всякие спорные вопросы всегда найдут себе одинаковое внимание со стороны Академии... Но “парламентное мнение” Академия быть не собирается, допущение дискуссии на страницах академических изданий теперь становится равносильно обязательству Академии неуклонно разоблачать все антиленинские мысли и взгляды, если они имеют претензию на теоретическое обоснование. Выбить это основание из-под ног авторов, пытающихся “поправить” ленинизм — в этом весь смысл *допущенной ЦК* (курсив наш. — Н. З.) в Коммунистической академии дискуссии»¹⁰.

Такое объяснение не оставляет каких-либо сомнений в тенденции развития: любая теоретическая дискуссия по вопросам общественно-научного должна была закончиться «разгромом антипартийных (в тех условиях — уже и антисталинских) выступлений». Пространство теоретических поисков сузилось, ограничившись рамками политической борьбы. Ярким подтверждением этого является постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии 1931 года. В по-

⁴ Деятельность Коммунистической академии. С. 6.

⁵ ВКА. 1926. Кн. 17. С. 316.

⁶ См.: ВКА. 1924. Кн. 8. С. 342–350; 1926. Кн. 17. С. 302.

⁷ ВКА. 1926. Кн. 17. С. 30.

⁸ Деятельность Коммунистической академии. С. 7.

⁹ Справочник партийного работника. М.; Л., 1928. Вып. 4.1. С. 687.

¹⁰ Покровский М. Н. О деятельности Коммунистической академии // ВКА. 1927. Кн. 22. С. 18.

¹ Известия ВЦИК. 1921. 6 нояб.

² КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 359, 360, 392.

³ См.: ВКА. 1926. Кн. 17. С. 314.

становлении зафиксирована необходимость «преодоления отмеченного тов. Сталиным отставания научной работы от практики социалистического строительства», подчеркнуты усиление классовой борьбы «на теоретическом фронте» и важность «искоренения существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние»¹. Следствием такого положения явились исчезновение со страниц периодических изданий Академии дискуссий, начало идеологических судилищ над названными в упомянутом постановлении теориями и учеными (Н. Рубиным в экономике, А. Дебориным в философии, Н. Перверзевым в литературоведении), разгром «школы М. Н. Покровского» — одного из создателей Ком-академии. При этом критика «методологических оши-

бок» тех или иных ученых чаще всего заменялась их политическим шельмованием, активизировалась апологетика принимаемых партийных решений. Такое положение означало прекращение развития марксизма как науки и переход от научной идеологии к догматам, изменению самой природы теории социализма.

Таким образом, на рубеже 1920-х годов произошел отход от положения, характерного для ранних этапов существования партии большевиков: недопущение смешивания теоретической дискуссии и политической борьбы. К концу периода (начиная с 1926–1927 гг.) происходит полное слияние дискуссий в области теории и идеологической борьбы. Сложнейшие теоретические вопросы решались теперь путем политических обвинений и голосований, что, безусловно, свидетельствовало о догматизации марксизма в СССР.

¹ КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 266.